

Цин Янь был так потрясён не только из-за того, что смерть Лю Сяна была ужасающе странной и жестокой, но и потому, что он знал: в изначальном развитии сюжета оригинальный хозяин его тела был заживо похоронен Ян Хуаем. Судя по описанию Ци Инланя, Лю Сяна, вероятно, постигла такая же участь.

Цин Яню было всего чуть больше двадцати лет. Несмотря на зрелость, в его душе всё ещё сохранялись детская чистота и уязвимость. Осознание того, что его могло ожидать такое же страшное будущее, заставляло его содрогаться, вызывало приступы тошноты и едва сдерживаемый страх.

Но он был в доме семьи Лю. Его цель — утешить жену Лю Фа и Ци Инланя. Он должен был взять себя в руки.

Печь разожгли, и вскоре в комнате стало тепло. Снаружи по-прежнему стоял шум, но было неизвестно, что там происходит. Поскольку уже была глубокая ночь и все чувствовали голод, Цин Янь решил сварить лапшу для двух женщин, но обнаружил, что в этом доме нет ни отдельной печи, ни кухонной утвари.

Никто не осмеливался выйти наружу за едой, поэтому Ци Инлань с трудом нашёл пакет старой выпечки. Все трое поели ее с горячей водой. Сухое, залежавшееся печенье потеряло всю влагу и отдавало слабым запахом плесени. После того как Цин Янь поел, его желудок словно перевернулся. Найдя предлог, он вышел в переднюю комнату и там его втайне вырвало.

Поговорив немного с Ци Инланем, он заметил, что жена Лю Фа почти не могла говорить из-за сорванного голоса. Она просто сидела молча, слушая их. К середине ночи, несмотря на беспокойство, их всех одолела усталость, и они уснули на кане.

Цин Янь не знал, сколько времени прошло, но ему приснился сон. Он понимал, что это сон, но совершенно не мог контролировать его.

Во сне он был глубоко погребён под землёй. Вокруг стояли мрак, сырость, холод и давящая тишина. Личинки ползали по его коже, а крысы обгладывали разлагающуюся плоть.

Где-то снаружи слышался едва различимый стук. Цин Янь пытался убежать из этого кошмара, глаза метались под закрытыми веками, но он никак не мог проснуться.

Вдруг он услышал, как кто-то встал с кана и вышел из комнаты. Шаги прозвучали в тишине, удаляясь.

Через некоторое время кто-то схватил Цин Яня за плечо и слегка потряс. Он резко открыл глаза, тяжело дыша. Ци Инлань с удивлением смотрел на него и спросил:

— Цин Янь, ты в порядке?

Цин Янь покачал головой и вытер холодный пот со лба.

Ци Инлань оглянулся на спящего ребёнка и свою старшую невестку, понизил голос и сказал:

— Брат Цю просил тебя позвать. Он сказал, что пора возвращаться.

Цин Янь коротко кивнул, поднялся, немного привёл в порядок одежду и сказал:

— Тогда я пойду. Если что-то случится, зовите меня.

Ци Инлань согласился и проводил его до двери.

У входа Цю Хэнянь, увидев Цин Яня, снял с себя верхнюю одежду, накинул её ему на голову, а рукава использовал как импровизированный шарф, завязав их у него за шеей.

— Сейчас очень холодно, а ты вышел без шапки. Так хотя бы немного согреешься, — сказал он, глядя вниз на Цин Яня.

Цин Янь кивнул, помахал рукой прощаясь с Ци Инланем, и они вместе ушли.

Подходя к воротам двора, Цин Янь машинально обернулся, чтобы посмотреть в сторону главного дома. Но сильная рука мягко, но настойчиво повернула его лицо вперёд.

— Не смотри, — строго сказал Цю Хэнянь.

Только когда они вышли за пределы двора и дошли до первого поворота, Цю Хэнянь убрал руку, вместо этого крепко обняв его за плечи.

Непонятно, сколько было времени, но небо на востоке уже начинало светлеть, хотя деревня оставалась тихой, и большинство людей ещё спали. Цин Янь мельком посмотрел на идущего рядом Цю Хэняня. Его лицо казалось спокойным, без следов сильной усталости, разве что лёгкая тень усталости проскальзывала в его взгляде. Цин Янь почувствовал облегчение.

Он спросил:

— Лю Сян... как же он умер?

Цю Хэнянь некоторое время молчал и, не ответив на вопрос, сказал:

— Когда рассветёт, я с Лю Фа пойду в уезд. А ты останься дома, отдохни. Когда проснёшься,

иди в магазин, побудь с тётёй Ли и остальными. Вечером я за тобой зайду.

Когда они вернулись домой, Цю Хэнянь сказал Цин Яню снять верхнюю одежду и бросить её в корзину. После этого сам снял свою и добавил туда же.

Они вместе немного обтерлись, после чего легли в постель.

Цю Хэнянь обнял Цин Яня, тихо поглаживая его шею и спину. Через несколько минут Цин Янь почувствовал, как дыхание Цю Хэняня стало ровным — он уснул.

Твёрдая и сильная грудь Цю Хэняня дарила Цин Яню чувство безопасности. Он вдыхал знакомый запах, находясь в привычной обстановке, и на этот раз спал спокойно, без кошмаров.

Когда он проснулся, на улице уже светило яркое солнце. Корзинка А-Мяо снова стояла у изголовья кровати, а его маленькая головка была прижата к щеке Цин Яня. Котёнок мирно посапывал во сне.

На кровати, кроме самого Цин Яня, больше никого не было. Он немного полежал, приходя в себя, и вдруг вспомнил события прошлой ночи. Его тело мгновенно напряглось, и он сел на кровати, неподвижно глядя в одну точку.

А-Мяо проснулся от его резкого движения, запрыгнул ему на колени. Цин Янь поднял его и крепко прижал к груди, прижав щёку к мягкому и тёплому телу котёнка.

В комнате по-прежнему было тепло, что говорило о том, что в печке ещё горел огонь.

Цин Янь накинул халат и спустился с кровати. На кухне он обнаружил уже приготовленный рис и яичный пудинг. Он разогрел их и поел.

Приведя себя в порядок и переодевшись, он вышел во двор. На бельевой верёвке сушилась постиранная одежда, которую они с Цю Хэнянем носили прошлой ночью, а также маленькая подушка, которую тоже тщательно выстирали.

Цин Янь, как и велел ему Цю Хэнянь, отправился в свой магазин «Сяньюньфан» в городе.

К тому времени новости о смерти ребёнка из семьи родственников старого Лю уже распространились повсюду. Прошлой ночью шум был таким громким, что его наверняка слышали все соседи.

Ранее Чжан Цзюй и Лю Юнфу были весьма высокомерны. Во время празднования дня рождения матери старосты деревни они хвастались на каждом шагу, рассказывая, как Лю Юнфу нашёл отличную работу в уезде и как хорошо теперь живёт, чем сильно раздражали

жену Лю Фа. Когда Лю Сян начал поддерживать связь с Ян Хуаем, Чжан Цзюй несколько раз возвращалась в деревню, чтобы похвастаться. Она говорила каждому, кто был готов её слушать, как гордится своим сыном, который теперь живёт в доме семьи Ян и время от времени отправляет семье деньги и вещи.

Когда её спрашивали, есть ли у Лю Сяна хоть какой-то официальный статус в доме Ян, Чжан Цзюй равнодушно отмахивалась:

— Как только родится ребёнок, статус сам собой появится.

Она добавляла:

— Мой Лю Сян красивый и умный, ни в чём не уступает другим. Ян Хуай точно возьмёт его в супруги с почётом и красным паланкином.

Кроме того, Чжан Цзюй утверждала:

— Мы уже начали искать невесту для Лю Юна. Этот парень целеустремлённый, деревенских ему не надо, смотрит только на девушек и геров из уезда. Ну, раз уж так, пусть будет из уезда. С нашим нынешним положением искать кого-то в деревне — это только унижить его.

Жители деревни одновременно завидовали и восхищались, говоря, что родственники Лю Фа действительно успешны.

Но теперь, узнав о таком ужасном конце, одни тайно насмехались, другие с любопытством разузнавали подробности, а люди вроде тёти Ли и У Цюнянь, отличающиеся мягким характером, искренне сожалели и переживали.

Когда Цин Янь пришёл в лавку, посетителей было немного. Тётя Ли и У Цюнянь вполголоса обсуждали случившееся. Цин Янь услышал, как они сокрушались о том, что, хотя семья Лю Юнфу и не вызвала симпатии, Лю Сян был ещё таким молодым, а в животе у него был нерождённый ребёнок. Он уже почти связал себя с богатой семьёй, но в итоге ребёнок так и не появился на свет, и всё закончилось трагедией, унесшей две жизни.

Обе женщины с сожалением вздыхали.

Днём в магазине стало больше людей, и, когда работа пошла в полный разгар, о деле семьи Лю больше никто не вспоминал.

Цин Янь пересчитал остатки товаров на складе, сверил счета и так провозился до самого вечера. Ещё до темноты за ним в магазин пришёл Цю Хэнянь, вместе с ним был Лю Фа. Они сели в повозку Лю Фа, запряжённую быком, и медленно поехали обратно в деревню. Лю Фа, который обычно был весьма разговорчивым, на этот раз молчал всю дорогу.

Тётя Ли и У Цюнянь пытались подобрать утешительные слова, но он только горько улыбался и тяжело вздыхал.

Вернувшись домой, Цю Хэнянь разжёл огонь, а Цин Янь замесил тесто и раскатал лапшу. Вместе они приготовили простую лапшу с томатным соусом. Пока лапша варилась, Цин Янь наконец нашёл момент, чтобы спросить, как продвигается дело.

Цю Хэнянь покачал головой:

— Ничего хорошего.

Он рассказал, что они с Лю Фа утром пошли в уездное управление, оставив Лю Цая дома охранять тело. Услышав о смерти Лю Сяна, уездный глава пришёл в ярость, ударил по столу и воскликнул:

— В мире существуют такие бесчеловечные поступки?!

Он тут же приказал отправить тело Лю Сяна в управление, а судебно-медицинскому эксперту — провести вскрытие. Более того, он распорядился немедленно арестовать Ян Хуая.

Но в этот момент из задней комнаты вышел главный писарь и что-то шепнул на ухо уездному главе. Тот никак не изменился в лице, но, как только писарь удалился, его тон резко изменился:

— Дело сложное, нужно провести дополнительные проверки.

После этого он только велел отправить чиновников в Люси для доставки тела Лю Сяна в управление, а про арест Ян Хуая больше не упоминал ни слова.

Когда заседание закончилось, Лю Фа и Цю Хэнянь подошли к старшему из чиновников, чтобы вместе отправиться в деревню. Однако те не проявляли никакого интереса к поездке и, судя по всему, не собирались никуда идти.

Лю Фа не на шутку рассердился. У него в доме лежит труп, к тому же с таким страшным исходом, что вся семья не может нормально жить, а ночью спать просто невозможно.

Он сунул чиновнику серебряный лян, и только тогда тот нехотя сказал, что сегодня у них есть дела, а в Люси они приедут на следующий день.

Даже после того, как он отдал деньги, ничего не изменилось. Лю Фа был бессилён и лишь мог вернуться домой ждать.

Чем больше Цин Янь слушал, тем сильнее нахмуривал брови.

Цю Хэнянь, глядя на огонь в печке, сказал:

— Когда я служил в гвардии, мне часто приходилось иметь дело с чиновниками. Они мастера увиливать и тянуть время. Семья Ян давно укоренилась в уезде, а Лю Фа — простой деревенский житель.

Он замолчал на мгновение, затем добавил:

— Этот судебный процесс, боюсь, так и не даст никакого результата.

<http://bllate.org/book/13590/1205247>